

Ричард прожил свою жизнь, полную взлетов и падений, но в целом был сыт, имел крышу над головой и доступ к образованию. Его знакомство с бродягами ограничивалось лишь тем, что он мог споткнуться об них, если не смотрел под ноги.

До сегодняшнего дня.

Когда они с Эдвардом выбили проржавевшую железную дверь на крыше шестого корпуса, под ослепительным фиолетовым светом неба фигура, съежившаяся на холодном бетоне, в одно мгновение разрушила его поверхностное представление о мире.

Женщина.

Живая, дрожащая тень, почти слившаяся с грязным фоном. Волосы, сальные и свалявшиеся, покрытые пылью и какими-то крошками, напоминали пучок мертвой травы. На лице — глубокие борозды, прочерченные долгим голодом и страхом, кожа восково-желтая, лишенная всякой крови. Рваная одежда, в которой уже невозможно было угадать изначальный цвет, вся в дырах, едва держалась на истощенном скелете. Она судорожно обхватила огромный, пугающе раздутый живот — словно деформированный арбуз, готовый в любую секунду лопнуть, — и вся тряслась, как последний лист на ветру.

— Не надо, не убивайте меня, — в ужасе закричала женщина, ее голос был хриплым и сухим. — Я... я просто увидела, что дом пуст... хотела... хотела зайти найти что-нибудь поесть, одежды... кто же знал... эти чудовища...

Она несла бессвязный бред, взгляд ее блуждал. Указывая на улицу, она дрожала, словно в лихорадке.

— Они преследовали меня. Гнали до самой крыши. Я... я заперла дверь изнутри... они... не могут войти...

Зрачки Ричарда сузились. Бродяги, залезшие в пустующий дом, конечно, не входили в списки на эвакуацию WUA. Мир полон сюрпризов, и даже самый безупречный план не застрахован от случайностей.

Но беременная женщина.

Голодная, изможденная, в лохмотьях.

Как она с таким животом смогла убежать от той оравы кровожадных тварей и добраться до самой крыши?

Невыразимое потрясение и... абсурдное чувство уважения внезапно охватили Ричарда. Какой же силой воли нужно обладать, чтобы так цепляться за жизнь?

— Капитан, в шестом корпусе обнаружен гражданский, не прошедший эвакуацию, беременная женщина. Ситуация критическая, мы сначала доставим ее в медпункт, займет около пятнадцати минут, — выпалил Ричард в гарнитуру.

Он обменялся взглядом с Эдвардом, и оба тут же шагнули вперед, бережно подхватив почти невесомое тело женщины с двух сторон.

Однако...

Ш-ш-ш... ш-ш-ш...

В наушнике стояла лишь мертвая тишина, прерываемая помехами.

— Аарон? Прием, ответь, Аарон.

Сердце Ричарда ухнуло вниз.

Эдвард тут же переключил канал:

— Бенни, Генри, ответьте, если слышите! Бенни, Генри!

Тишина.

Холодная, могильная тишина.

Для таких, как они, кто вечно ходит по краю и танцует на границе иных миров, потеря связи означала лишь одно: либо сигнал в этой зоне поглощения полностью подавлен, либо... людей больше нет.

Те товарищи, которых утянуло в глубины Фиолетового разлома... никто из них не вернулся и не подал сигнала. Для человечества разлом был черной дырой, пожирающей всё.

Если Аарон и остальные...

Ричард машинально сжал кулаки, костяшки пальцев побелели.

Хруст.

Тихий звук, сопровождаемый болезненным стоном женщины, привел его в чувство.

Опустив глаза, он понял, что сжимает запястье женщины, тонкое, как сухая ветка. Она смотрела на него взглядом, в котором смешались боль, ужас и... ввевшаяся в кости ненависть. Этот взгляд был холоднее и острее, чем фасеточные глаза любого из монстров внизу.

— Прости... прости, пожалуйста, — Ричард отдернул руки, словно обжегшись. Сильное чувство стыда и вины заставило его желать провалиться сквозь землю. — Мы сейчас же доставим тебя к врачу, к лучшему врачу, бесплатно.

Он бормотал оправдания, чувствуя, как взгляд женщины, словно отравленная игла, впивается в него, вызывая тошноту.

Тем временем Эдвард, словно обезумев, начал лихорадочно набирать все номера в своей записной книжке — знакомых, незнакомых и даже бывшую девушку из тылового обеспечения, с которой сходил на свидание всего раз.

Наконец, в наушнике Эдварда раздался прерывистый женский голос, утопающий в помехах:

— ...Эд...вард... ш-ш-ш... ты...

— Элли? Элли, ты слышишь? Мы здесь...

Ш-ш-ш... сигнал окончательно пропал.

Эдвард сорвал наушник. Его лицо мгновенно исказилось в преувеличенной, театральной гримасе горя, словно небо рухнуло на землю. Он закрыл лицо руками и завыл:

— Конец, всё кончено! Ричард, как же я буду жить без братцев? У-у-у... Братцы, подождите меня, заберите меня с собой!

— ?

Ричард смотрел на Эдварда, словно на инопланетное существо, сканируя его взглядом сверху донизу. Что, черт возьми, в него вселилось? Эдвард Блэквуд, самопровозглашенный ловелас, франт, который никогда не терял самообладания в критический момент — с чего вдруг он превратился в... комедийного актера? Он отсутствовал всего год, неужели в отряде началась эпидемия психических расстройств?

Столкнувшись с долгим молчанием Ричарда и его взглядом, полным недоумения, Эдвард наконец осознал нелепость ситуации, потер нос, и его показное горе мгновенно сменилось выражением, в котором смешались неловкость и неуклюжая забота.

— Э-э... хе-хе... дружище, я просто... видел, что ты слишком напряжен, хотел помочь тебе...

немного расслабиться, понимаешь? — он отвел глаза, не решаясь смотреть на Ричарда.

Едкая сатира, уже готовая сорваться с языка Ричарда, застряла в горле. Теплая волна, смешанная с глубоким чувством неловкости, нахлынула на него: оказывается, его тревога и страх были настолько очевидны, что даже такой толстокожий тип, как Эдвард, заметил это и попытался помочь таким вот нелепым способом.

Он пошевелил губами, но в итоге лишь глубоко вздохнул, подавляя эмоции. Сейчас не время для анализа личных психологических проблем.

— План остается прежним, — голос Ричарда снова стал холодным, даже нарочито спокойным. — Сначала доставим даму в тыловой медпункт, а затем немедленно выдвигаемся к пятому корпусу на соединение с капитаном.

— Как скажешь, — Эдвард кивнул, и его лицо стало серьезным.

Женщина, зажатая между ними, огляделась по сторонам и, воспользовавшись паузой, нервно спросила:

— С-сэр... а снаружи... там правда безопасно? Я слышу такой шум...

— Безопасно, — Ричард ни на секунду не дрогнул, решительно солгав. — Это просто небольшие помехи в связи, возникли мелкие неполадки в системе управления. Не волнуйся, мы доставим тебя в безопасное место.

Он постарался придать своему голосу максимально уверенный и властный тон.

Женщина, услышав это, машинально погладила свой огромный живот, и на ее восковом лице появилась улыбка — жалкая, болезненная, но полная облегчения.

— Ну и хорошо... ну и слава богу...

БА-БАХ!

Со стороны главного поля боя на юге раздался оглушительный взрыв, от которого, казалось, содрогнулась земля. Вслед за ним послышалась череда еще более интенсивных разрывов — очевидно, четвертый и седьмой отряды отказались от обычного стрелкового оружия и перешли к тяжелой артиллерии.

Женщина вздрогнула, и ее недавнее призрачное спокойствие рассыпалось в прах. Она вцепилась в край куртки Ричарда, словно в спасательный круг, с такой силой, что забыла о боли в сломанном запястье.

Хорошо, но не совсем, — Ричард дернул уголком рта.

Эдвард тут же включил свое «джентльменское» обаяние, накопленное за годы любовных похождения, и принялся успокаивать женщину максимально нежным (хотя на фоне взрывов это выглядело комично) голосом. Они больше не медлили, практически таща женщину на себе, и помчались к относительно безопасной тыловой зоне.

Путь оказался на удивление чистым: ни насекомых, ни перестрелок, даже других военных не было видно. Лишь вдалеке грохотали взрывы и чувствовался густой запах пороха, напоминавший о жестокости происходящего.

Однако, когда они вошли в импровизированный медицинский шатер, увиденное заставило желудок Ричарда сжаться.

В небольшом пространстве вповалку лежали семь или восемь тяжелораненых. Каждый выглядел так, будто его только что вытащили из гнезда насекомых — все были покрыты липкой, зловонной оранжевой слизью. Хотя нос улавливал лишь резкий запах антисептиков, ужасающее зрелище могло обеспечить любого кошмарами на несколько дней вперед.

У тех, кто пострадал меньше, были рваные раны на руках или ногах, глубокие, до костей, бинты пропитались кровью и гноем. А двое самых тяжелых... их тела были изуродованы, торсы покрыты жуткими следами укусов и рваными ранами, через которые виднелись внутренности. Пронзительный писк мониторов жизненных показателей звучал как похоронный марш. Группа врачей и медсестер в бешеном темпе боролась за их жизни. Вскоре обоих погрузили на носилки и затолкали в машину скорой помощи, которая с включенными красными маячками умчалась прочь.

— Элли, Элли, где ты? — Эдвард, едва войдя, принялся звать свою бывшую подругу.

Дверь в дезинфекционную комнату с грохотом распахнулась, и оттуда вышла женщина-врач индийского происхождения с короткой стрижкой, смуглой кожей и острым, как у орла, взглядом — это была Элли. Ее глаза метнулись от изможденной беременной женщины к Эдварду и обратно. Презрение, которое она обычно испытывала к Эдварду, мгновенно сменилось холодным приговором: «Типичный подонок».

— Гражданская? — голос Элли был лишен эмоций, с той прямоотой, что присуща только хирургам. — Оставьте ее мне. А вы, — она нетерпеливо махнула рукой, как будто отгоняла мух, — идите куда шли, не мешайтесь под ногами.

Ричард не хотел оставаться там ни секунды, это запустение душило его. Он почти сразу разжал руки, поддерживающие женщину, кивнул Элли и бросился вон из шатра, забыв даже о стандартной процедуре передачи «заложника».

Надо довериться профессионализму Элли... да.

В глубине души шевельнулось мимолетное чувство вины, но его тут же вытеснила тревога.

Позади слышалось бормотание Эдварда, который пытался настроить рацию:

— Черт... как же сильно они всё заглушили...

Затем последовал его вскрик и ругань, когда Элли без церемоний вышвырнула его из шатра пинком.

Всего лишь сопровождение одного человека.

На это ушло меньше пятнадцати минут.

Когда Ричард выбежал из тыловой зоны и снова вышел на главную улицу, увиденное заставило его замереть, а кровь в жилах — заледенеть.

Саранча, бабочки, сороконожки, скорпионы, жуки, пауки... Все классификации, с таким трудом созданные человеческой биологией, перед этой адской картиной казались шуткой. Все существа, которые в человеческом понимании относились к «насекомым» — членистоногие или насекомые — собрались здесь. Они были разных размеров, ужасающих форм, и единственное, что их объединяло — жадность до свежей человеческой плоти.

Единственной хорошей новостью было то, что на краю хаотичного поля боя Ричард увидел знакомые фигуры, отчаянно сражавшиеся и отступающие с боями — Аарон, Бенни, Генри. Они были живы. Хотя их теснил поток насекомых, они все еще держались вместе.

— Аарон! Бенни! Генри! — заорал Ричард во всю глотку, но его голос был поглощен грохотом взрывов и визгом тварей.

В этот момент Аарон, взмахнувший ледяным клинком и разрубивший гигантского скорпиона, прыгнувшего на Бенни, словно почувствовал что-то и резко обернулся.

Сквозь хаос боя и дым их взгляды встретились.

Серо-голубые глаза Аарона вспыхнули. Он без колебаний поднял правую руку.

Пальцы сжаты, ладонь вверх — «Стоп».

Затем сжал кулак — «Ждать на месте».

Приказ был ясен: не возвращаться.

В следующую секунду Аарон разжал кулак, и его указательный палец быстро описал в воздухе полукруг, указывая на тыл наступающей орды.

«Зайти с фланга, окружить».

Конечно, в одиночку Ричард не мог окружить рой насекомых. Жест означал одно: не лезь сюда умирать, найди способ прорваться снаружи.

Ричард напрягся, мгновенно поняв смысл. Это было именно то, о чем он думал.

Он выпрямился и сквозь хаос боя отдал Аарону четкое, полное решимости воинское приветствие.

Закончив, он обернулся к Эдварду, который запыхавшись добежал до входа в квартал. Без лишних слов Ричард показал ему несколько быстрых, четких жестов:

Руки скрещены на груди — «Остановка».

Руки вниз — «Отход».

Кулак вниз — «Оборона».

«Береги себя».

Эдвард понял жесты. Его лицо отразило борьбу и тревогу. Со своей позиции он не видел товарищей, сражавшихся вдалеке. Он посмотрел на Ричарда, сжал и разжал кулаки, и, наконец, топнув ногой, без колебаний бросился обратно к тыловому пункту.

Хорошо, — Ричард почувствовал облегчение. В такой критической ситуации важно сохранить хотя бы одну боевую единицу.

Он больше не колебался. Развернувшись, он, как стрела, бросился обратно в шестой корпус, в ту самую мертвую тишину. Его тяжелые армейские ботинки гулко застучали по запыленной лестнице.

Цель: крыша.

Ему нужна была абсолютная высота, точка с широким обзором, откуда можно было бы увидеть всё поле боя и при этом оставаться в относительной безопасности. Только видя общую картину, можно было найти тот крошечный шанс, чтобы прорвать блокаду.

<http://bllate.org/book/18654/1797921>